

Полуночный разговор

Давно замечено, что живя на природе люди становятся ближе друг к другу. Шелуха привычных церемоний спадает и уносится вольными ветрами, как дым от костра. На загородных дачах, где постоянно идет либо ремонт, либо строительство, и хозяева, и работники одеты одинаково: выгоревшие джинсы и вытянутые до колен свитера. По окончании работ они пьют одну и ту же водку местного разлива и, общаясь друг с другом, щедро украшают речь ненормативной лексикой. Работа с землей, кирпичами и бревнами равняет всех. Однако тлеющие в глубине души неразрешенные вопросы все равно пробиваются наружу. Они не дают покоя горожанам-интеллигентам и местным простецам, заставляя их сталкиваться лбами в дискуссиях до поздней ночи.

Июльским вечером на участке Петра Афанасьевича - пожилого дачника происходили очередные посиделки на бревнышках. Благодаря ясной погоде они затянулись до полуночи. В стороне пылал мангал.

Поводом для застолья было завершение строительства фундамента под двухэтажный дом. Хозяин был человек образованный: доктор технических наук, до выхода на пенсию - заведующий сектором крупного оборонного НИИ, скрывавшегося под псевдонимом «Цитадель». Семья у него была немаленькая: сам с женой, двое сыновей, невестки, пятеро внуков. До завершения работ по строительству дома вся семья располагалась в длинном хозблоке. Это было не очень удобно, но, на удивление соседям, все уживались мирно. «Не иначе бабка у них - колдунья, - шептались соседки. - Наговаривает им на удачу». Но Анна Тимофеевна, хозяйка, ворожкой не занималась. Она по воскресеньям ходила в сельскую церковь. Заказывала молебны, ставила свечи у икон. Остальные члены семьи относились к ее прогулкам, как они их называли, равнодушно и слегка посмеивались. Не всерьез, конечно: а вдруг там, наверху, вправду что-то есть?

Никто не знал, что сам хозяин, не посещая храма и не зная молитв («поздно мне учиться свечки ставить!») давно и глубоко мучился, ища путь к Богу. Его, высоколобого интеллектуала, отталкивала слепая и наивная вера деревенских бабушек. А поговорить с батюшкой, которого Петр уважал за образованность, было некогда: на его попечении было пять деревень, населенных одинокими стариками и старухами, - до разговоров ли тут? До споров ли о душе?

А душа у Петра горела. И чем дальше, тем больше. Опустевшее место, прежде занятое работой, командировками, встречами, знакомствами, надо было чем-то заполнять. Домашнее, дачное хозяйство не было связано с принуждением: делай что хочешь - работа не убежит. Сегодня - так сегодня, завтра - так завтра. Отсутствие строгого целевого напряжения в жизни, сначала воспринимавшееся как желанный отдых, постепенно эту жизнь разрушало. Петр осознавал, что его жизнь, судьба сегодня интересны только ему. С глубоким раскаянием он начинал понимать, что его прежние отношения с людьми были вынужденными, что был равнодушен даже к близким. Теперь это равнодушие бумерангом несло к нему. Напиться он пробовал, но его

организм отвергал избыток алкоголя, а что такое пара стопочек для здоровяка, живущего на природе? Петр ругал себя за малодушие: настоящий мужик должен твердо стоять на ногах. Но безысходность уже замучила - хоть волком вой...

Сначала разговор шел о строительстве: дренаж грунтовых вод и прокладка трубопровода были делами неотложными и непростыми. Проложенная по участку канава оказалась заваленной: ее стенки осыпались, хотя погода стояла сухая.

- Что-то там, в небесной канцелярии, перемудрили: засуха достала. В эту пору всегда дожди шли, - проговорил бригадир Мустафа. Он не был «гастарбайтером», так как укоренился в Подмосковье более десяти лет назад. Его уважали местные власти и побаивались рабочие. В дачный сезон бригада Мустафы была нарасхват.

- Беспокоиться еще рано. Засухи не будет. Я смотрел утром - барометр падает, к дождю, - заметил младший из всех, Ахмат. Все помолчали.

- А зачем нам дождь? Работу придется остановить, - заметил Петр, хозяин дома. Это замечание Мустафе не понравилось. Петр, как и любой на его месте, норовил «зажать» плату за простои.

- Ну, еще бабушка надвое сказала, будет дождик или нет, - с напускной бодростью возразил сын хозяина Анатолий. - Как у вас там в Коране? На все воля Аллаха, так?

- А у вас что, иначе? - выскочил с вопросом Махмуд, бывший учитель, а ныне - столяр. Он был самым молодым в бригаде и своими вопросами с мировоззренческим подтекстом доставал всех. Именно на него возлагал надежды Петр, смутно ожидая, что педагог как человек умственный заведет спор, в котором родится истина.

- Я так понимаю, - заговорил Петр. Из уважения к хозяину все тотчас замолчали. - Я понимаю, что все, что творится на свете, имеет смысл. Аллах свое дело знает. Но в своем мире. А в нашем - Иисус Христос. Кто-то Его знает, кто-то нет. Но, думаю, Он есть. Надо Его слышать и слушать. Я сам не все понимаю. Но чувствую, что так много людей не могут ошибаться.

-А-а-а, слышали мы эту песню, - поморщился Иван, заядлый спорщик, гордо именовавший себя атеистом. - Веками люди боялись смерти. И этот страх как плетка гнал их кланяться какому-то богу, которого они придумали сами. И умоляли, чтобы они их спас от этой черной ямы, куда падают все. Откуда никто еще не возвращался.

- Ямы, говоришь? Это все, что ты знаешь? А совесть, раскаяние, надежда - все, чем живет человек?

- Все уйдет вместе с ним.

- Нет, останется в памяти, в жизни других людей. Кому-то поможет, кого-то научит.

- А причем тут Бог?

- А притом, что это Он создал нас такими. Которые ждут, надеются, ошибаются, падают и встают. Идут дальше. Мы все живем вместе, весь человеческий род. Вместе радуемся и горюем. И наши дети пойдут дальше нас.

- Так что же, конца света не будет, по твоему?

- Будет. Наша история закончится. Но мы не исчезнем, а станем другими.

Спорили теперь уже трое: хозяин, его сын и «атеист». Остальные прислушивались. Спор всех задел за живое, хотя некоторые лишь смутно представляли, о чем речь.

- Бог создал вселенную и людей, - негромко заговорил человек, сидящий в тени. - Человек - промежуточное звено между Богом и мирозданием. Творец именно ему доверил мир.

- Мудрено как-то, - недоверчиво покачал головой Мустафа.

- Вот, послушайте, - проговорил ночной собеседник. - Жил полтора ста лет назад поэт, он вот так сказал:

*Пусть имена цветущих городов
Ласкают слух значительностью брэнной.
Не город Рим живет среди веков,
А место человека во вселенной.
Им овладеть пытаются цари,
Священники оправдывают войны,
И без него презрения достойны,
Как жалкий сор, дома и алтари.*

Петр почувствовал, как по его телу пробежали мурашки. Он вскочил и завопил: - Кто?! Кто это написал?

Он почувствовал упругую силу этих строк, в которых был скрыт ответ на его сомнения.

- Это написал поэт Осип Мандельштам. Он умер в лагере, на пересылке, в 1938 году.

- Еврей?

- Ну и что? Хоть монгол, хоть эфиоп. Главное - по делу.

Петр сидел неподвижно. С него сползал и таял ледяной панцирь, долго сковывавший его тело. И слабые, еле слышные ручейки понимания вторгались в его сознание, размывали глыбы неверия, светились, играли веселыми огоньками.

Он уже знал, что завтра поутру проснется другим человеком. Что к этому состоянию надо будет еще привыкнуть. И что люди вокруг будут другими, и к этому надо будет привыкнуть тоже.

- Ну, засиделись! Спать пора, - скомандовал он и поднялся. - Завтра договорим.

Рабочие, не спеша, поднялись. Как обычно, заспорили, кому убирать костровище и мыть посуду. Хозяин слушал перебранку и посмеивался.

На душе у него было непривычно легко.

*Марина Васильева
Январь 2017*